

«Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю»

Казалось бы, сразу после «Героя нашего времени» и «Демона» невозможно написать произведение, которое не уступало бы им по воздействию на читателей и так разительно от них отличалось своим сюжетом и художественной формой.

Логика поэтической мысли в последней редакции «Демона», созданной, как теперь установлено, на полгода раньше «Мцыри», приводила к новой теме: нет ничего выше человеческой жизни, прекраснее природы.

Перед описанием смерти Тамары — замечательном стихотворном реквиеме — поблекли речи Ангела о бессмертии души и бренности человеческого бытия.

Поэма «Мцыри» посвящена страстному порыву героя к жизни, его бегству из монастырского плена на родину, без которой жизнь теряет свою ценность.

Монастырь-тюрьма, три дня, проведенные на свободе, битва с барсом — это рассказ о судьбе молодого послушника, пришельца из других мест, чужеземца (так переводится с грузинского языка имя Мцыри) и одновременно символично-философское повествование, где главные эпизоды имеют общий смысл для современников и потомков.

Поэме предпослан эпитафия из Библии; в первой строфе дано описание места действия — разрушенные временем руины монастыря на вершине горы, сжатые слова о славном прошлом Грузии, о ее союзе с Россией;

в третьей строфе начинается исповедь Мцыри, которая произносится (так говорит сам герой) «пред небом и землей». Это приводит к тому, что сюжет Мцыри становится не сцеплением обычных эпизодов, а событием, происходящим перед лицом Вечности, Истории и Вселенной.

Подобное восприятие достигается не выработкой какого-то торжественного стиля, а названными выше художественными средствами.

Первоначальным (зачеркнутым) эпитафией к поэме была фраза: «Он n'a qu'une seul patrie» (Отчизна бывает только одна); окончательным — «Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю». Оба эти изречения выражают пафос «Мцыри».

Лермонтов предпочел цитату из Библии (1-я Книга царств, 14). Очевидно, такой эпитафия настраивал читателя на особое восприятие поэмы. Теперь мы можем отнести эти слова к жизни самого Лермонтова.

Долгое время считалось, что в основу сюжета поэт положил рассказ старого монаха, которого встретил в Мцхете, грузинском городе вблизи Тбилиси, расположенном при впадении реки Арагви в Куру. Здесь на вершинах гор возвышается храм Джвари (Крест) и собор Светицхавели — усыпальница грузинских царей. Согласно этому рассказу, переданному П. А. Висковатовым со слов родственников Лермонтова, генерал А. П. Ермолов «вез с собою и оставил заболевшего ребенка монастырской братии». На самом деле сведения Висковатова во многом неверны и, очевидно, возникли под воздействием поэмы Лермонтова.

Как заметил Ираклий Андроников, первые экспедиции Ермолова в горы Центрального Кавказа относятся к 1818—1826 годам — ребенок к приезду Лермонтова на Кавказ в 1837 году не успел бы еще постареть, а мужского монастыря в районе Мцхета не было уже с начала XVIII века.

После современных трудов Н. Ш. Шабаньянца (1950—1970), И. П. Шинкаренко (Искусство. 1970. № 6), С. Шерипова (Огонек. 1987. № 35) можно сделать вывод, что одним из импульсов к созданию «Мцыри» послужила совсем неординарная история ребенка, который был взят в плен в чеченском ауле Дады-Юрта и вскоре крещен под именем Петр Захаров. Мальчик поразил всех своими способностями к рисованию; на маленького чеченца обратил внимание генерал П. Н. Ер-

моллов (двоюродный брат главнокомандующего) и взял с собою в Тифлис. Ермолов полюбил его, отправил в Москву, где тот восемь лет учился живописи, а затем поступил в Академию художеств (в Петербурге).

Блестящий талант сделал его лучшим портретистом после Карла Брюллова. В 1834 году Захаров написал портрет Лермонтова. К 1838 году относятся портреты писателя А. Н. Муравьева, выполненные почти одновременно Захаровым и Лермонтовым. Сведения о судьбе Захарова, ставшие известными поэту, дали толчок творческому воображению Лермонтова. Любопытно, что строка «он был, казалось, лет шести» соответствует возрасту Захарова, родившегося в 1816 году и привезенного в Тифлис Ермоловым, когда ему было шесть лет. Захаров умер от туберкулеза в 1846 году, на тридцатом году жизни.

За три года до смерти он написал портрет А. П. Ермолова на фоне Кавказских гор; справа виднеется Мцхетский храм, а вдали горные хребты — родина художника. За эту картину Захаров получил звание академика (воспроизведение портрета Ермолова дано в названном выше номере журнала «Огонек»). Поэма Лермонтова оказалась для Захарова сильнее реальности. Изображение главнокомандующего на фоне Мцхетского храма — не случайность. Это дань памяти автору «Мцыри».

О силе воздействия поэмы на современников можно судить по воспоминаниям Муравьева: «Мне случилось однажды в Царском Селе уловить лучшую минуту его (Лермонтова. — Э.Н.) вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. «Что с тобою?» — спросил я. «Сядьте и слушайте», — сказал он и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму «Мцыри»... которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера... Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления» (Воспоминания. С. 198).

Поэма Лермонтова — гимн бытию, упоение самой жизнью, если она свободна.

Три дня, проведенные Мцыри на воле, позволили поэту показать человека во взаимодействии с природой:

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.

Образ природы в «Мцыри» — не пейзаж, не фон, на котором происходит действие. Это не романтическая природа, отражающая душевное состояние, не руссоистская природа, представляющая идеал, и, конечно, не умозрительная природа натурфилософских поэтов. Природа в «Мцыри» — прежде всего реальное бытие, находящееся в тесном взаимодействии с человеком, условие его существования, родственное ему явление, объект созерцания и практики. При соприкосновении с природой Мцыри обращает внимание на ее жизнь, цветение, движение, звуки:

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежою толпой,
Как братья, в пляске круговой.

Курящиеся, как алтари, горы, белые караваны облаков, шум водяных потоков, пение птиц — таковы лики природы в «Мцыри». И как апофеоз красоты — утро на Кавказе:

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно...

Природа показана в различных своих проявлениях. Она не только радует человека, служит ему, но и создает грозные препятствия на его пути.

Изображение ночной природы с криком и плачем шакала, блеском змеиной чешуи, страшным лесом, сбивающим с пути, завершается встречей с барсом.

В поэме дано поэтическое описание человека как природного существа:

И жаждой я томиться стал

И жадно я припал к волне

Далее следует эпизод встречи с грузинской девушкой:

И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились.

Это начало художественного исследования потребностей, влечений и особенностей человека, которое продолжено в центральном эпизоде поэмы.

Описание битвы с барсом имеет принципиальное значение. В этом эпизоде выявляется одна из основных «сущностных» сил человека. Сцена битвы юноши с барсом, опирающаяся на фольклор¹, имеет и символический смысл. Здесь так же, как ранее в «Парусе», прославляется мужество, преодоление трудностей, умение вести борьбу.

Из контекста поэмы следует, что это важнейшие качества человека, важнейшие атрибуты жизни. Эпизод битвы Мцыри с барсом свидетельствует о величии Лермонтова как художника, о зрелости и философской мощи его мысли.

Смертельный бой зверя и человека описан во всех подробностях.

Мцыри в этом бою уподобляется зверю:

И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.

Однако победа достается Мцыри не только благодаря его природной сущности, звериному инстинкту («Сердце вдруг / Зажглося жаждою борьбы / И крови»), а главным образом благодаря его человеческому разуму, умению владеть оружием:

Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы...
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...

¹ О связи этого эпизода с грузинским фольклором см. в кн.: Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964. С. 271—273.

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие...

Бойцовские качества Мцыри не рисуются как нечто исключительное. Во всей поэме герой выступает как представитель человечества, часть природы и общества.

Родина в поэме «Мцыри» — вполне реальное понятие и вместе с тем символ — представление об идеальном отечестве, где в отношениях между людьми — согласие и братство. Этому соответствует описание родного аула, семейного очага, лунных вечеров, отца с его «гордым и непреклонным взором», сладостных очей сестер, радужной и пышной природы тех мест.

В исповеди Мцыри неотделимы мечты о родине, о свободе и полноценной жизни:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.

Я цель одну,
Пройти в любимую страну,
Имел в душе . . . . .

Возвращение сбившегося с пути Мцыри к своей тюрьме — монастырю также символ. Путь на родину оказался недостижимым, несмотря на стремление и отвагу Мцыри.

Судьба Мцыри трагична, подобно Демону, Сашке, Печорину и многим другим героям Лермонтова.

Однако в центре поэмы остается порыв к свободе, многоцветный мир природы, которым восторгается Мцыри.

Читателя привлекают воспетые Лермонтовым ценности бытия — прежде всего сама жизнь, свобода, любовь к родине, мужество.

Следует сказать о лермонтовском отношении к природе. Пожалуй, первым отчетливо высказался по этому поводу писатель и критик А. В. Дружинин в статье

1861 года о «Сочинениях Лермонтова»¹. Он заметил, что у Лермонтова были «все признаки и задатки мирового поэта... начиная с формы стиха, до сих пор недосыгаемой по совершенству, до удивительного проникновения в жизнь природы, выразившегося множеством картин, мастерства первоклассного» (Воспоминания. С. 324).

Примерно в это же время в послесловии к двухтомнику переводов Лермонтова 1852 года (сюда вошли «Демон» и «Мцыри») известный немецкий писатель и переводчик Фридрих Боденштедт, познакомившийся в 1841 году с Лермонтовым, оставил нам развернутые и оригинальные соображения: «...наш поэт отличается от своих предшественников и современников тем, что дал более широкий простор в поэзии картинам природы, и в этом отношении он до сих пор стоит на недосыгаемой высоте. Своими изображениями он решил трудную задачу — удовлетворить в одно и то же время и естествоиспытателя, и любителя прекрасного... он всегда и во всем остается верен природе до малейших подробностей. Все эти картины предстают нам в отчетливых красках и в то же время от них веет какой-то таинственной поэтической прелестью, как бы благоуханием и свежестью этих гор, цветов, лугов и лесов...»²

Замечательный поэт, переводчик и выдающийся филолог Иннокентий Анненский в год пятидесятилетия со дня смерти Лермонтова впервые посвятил специальную статью об отношении Лермонтова к природе³. Ученник академика Л. П. Майкова, автора классических трудов по истории русской литературы, попытался дать всеохватывающее понимание этой проблемы: «Из всех русских поэтов Лермонтов, может быть, всего непосредственнее и безраздельнее любил природу; он тонко понимал ее... Говоря о природе, наш поэт был замечательно точен». Интересны меткие замечания Анненского: «Природа видится ему с «коня». В природе он особенно любил движение: вспомним его чудных лошадей у Из-

¹ Опубликована и подробно исследована Э. Г. Герштейн в кн. Судьба Лермонтова.

² Основную мысль Боденштедта разделял К. Маркс, который, изучая в конце 60-х — начале 70-х гг. русский язык обратился к произведениям Лермонтова. Маркс считал, что вряд ли кто из писателей превзошел Лермонтова в описании природы, во всяком случае, редко кто достигал такого мастерства, свидетельствует Франциска Кугельман.

³ Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 242—251.

маил-Бея, у Казбича или Печорина... вспомним его горные реки, облака, змеи, пляску...» Критик справедливо заметил, что вниманию к природе содействовали эстетические способности Лермонтова: «Он играл на скрипке и на фортепиано, рисовал и писал красками...», «главная прелесть лермонтовских красок (в поэзии) в их сочетании».

Анненский пишет о самоценности природы, о том, что она в произведениях Лермонтова «живет своей особой жизнью», о том, что поэт чуждался «субъективного» пейзажа.

Эти мнения о роли природы необходимы для понимания «Мцыри» — новой ступени в ее художественном познании после «Героя нашего времени» и «Демона». Здесь природа предстает как часть жизни, помогает понять человека как природное существо.

Обнаруживаются новые подходы. В «Мцыри» общественные отношения обозначены лишь символически (монастырь — тюрьма, родина — мирный дом, воля, братство), но зато проведен исполненный высокой поэзии антропологический анализ.

Разумеется, общественная и природная стороны Лермонтовым не разорваны, человек остается цельным. И все же поэт делает смелый шаг. В 1839 году (в год выхода первого труда Л. Фейербаха «К критике философии Гегеля») Лермонтов обращается к художественному исследованию отдельной личности, чтобы связать их с общими мировоззренческими вопросами.

Традиционный взгляд на поэму «Мцыри» нуждается в корректировке.

Поэма обычно рассматривается как романтическое произведение с условным сюжетом, патетическими монологами, сильной одинокой личностью, гиперболическими переживаниями, резко волевой интонацией героя, действующего вне социально-исторической среды.

Следовательно, Лермонтов после реалистического романа «Герой нашего времени» почему-то вернулся назад к романтическому стилю, с которым он уже порывал в 1836—1837 годах. На самом деле Лермонтов применил новый художественный подход, чтобы внимательно изучить человека. Эволюция лермонтовского творчества шла по восходящей линии. Это было движение к психологическому реализму, к постижению внутреннего мира личности, совершенствованию символично-философского осмысления действительности.

Отход от романтического стиля не означал измены романтике — поэзии подвига, устремленности в будущее. Романтика свойственна многим реалистическим произведениям XIX—XX веков.

«Конь же лихой не имеет цены»

Сохранилось более четырехсот картин, акварелей, рисунков, сделанных Лермонтовым. Невольно обращаешь внимание, что на многих из них изображены лошади и всадники.

Нарисованы запряженные тройки, коляски, телеги, всадники-кавалеристы, мчащиеся на конях горцы. Художник стремится передать различные виды движения — от тихой езды до стремительной скачки, породу, норов каждой лошади, любителю их благородной статью, выразительно рисует положение ног, шеи, гривы, хвоста.

Искусствоведы заметили, что мало кому из художников XIX века так удавалось передать движение, скачку, преследование. Ученик Брюллова художник Г. Г. Гагарин, друг Лермонтова, сделал даже две копии с пометкой «d'après Lermontoff» (по Лермонтову) — «Два всадника, стреляющие в горца» и «Джигитовка». Очевидно, Гагарина привлекли экспрессия, динамизм лермонтовской графики.

Обилие коней в изобразительном наследии Лермонтова (они присутствуют также и во многих пейзажах) объясняется жизненными впечатлениями поэта, его отношением к лошадям. Тогда это был почти единственный вид транспорта; лейб-гвардии гусар ежедневно занимался своей лошадью, подобно всем кавалеристам